

Рональд ИНГЛХАРТ

КУЛЬТУРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

Как изменяются
человеческие мотивации
и как это меняет мир

Комитет гражданских инициатив

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Комитет
гражданских
инициатив

Бизнес и Мысль

Ronald F. INGLEHART

CULTURAL EVOLUTION

How People's Motivations are Changing
and How this is Changing the World

Cambridge University Press
New York and Cambridge

Рональд ИНГЛХАРТ

КУЛЬТУРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ

Как изменяются человеческие мотивации
и как это меняет мир

•МЫСЛЬ•
Москва

УДК 008:316.7
ББК 71+60.52
И59

Комитет гражданских инициатив

ФОНД ЛИБЕРАЛЬНАЯ МИССИЯ

Бизнес и Мысль

Книга издана при поддержке
«Фонда Кудрина по поддержке гражданских инициатив»

Перевод с английского: С. Л. Лопатина
Редакторы: М. А. Завадская, В. В. Косенко,
А. А. Широканова
Научный редактор: Э. Д. Панарин

Инглхарт, Р.

И59 Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / Рональд Инглхарт ; пер. с англ. С. Л. Лопатиной, под ред. М. А. Завадской, В. В. Косенко, А. А. Широкановой, научн. ред. Э. Д. Панарин. — Москва : Мысль, 2018. — 347 с.

ISBN 978-5-244-01202-6

В своей новой книге Рональд Инглхарт проверяет разработанную им эволюционную теорию модернизации на базе данных, созданной с 1981 г. в рамках проектов Всемирное исследование ценностей и Европейское исследование ценностей, охватывающих более 100 стран и 90% населения земного шара. Исследование Р. Инглхарта показывает, что мировоззрение общества определяется уровнем экзистенциальной безопасности. Богатые общества становятся более открытыми и толерантными, в них повышается уровень доверия, защищаются права меньшинств, что дает людям большую свободу выбора жизненных решений. Все это способствует распространению демократии и ведет к увеличению среднего уровня счастья.

УДК 008:316.7
ББК 71+60.52

ISBN 978-5-244-01202-6

© Комитет гражданских инициатив, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	9
БЛАГОДАРНОСТИ	15
ГЛАВА 1. Краткий обзор книги	19
Расширяя горизонты	26
Графики, а не уравнения	27
ГЛАВА 2. Эволюционная теория модернизации	29
Краткий обзор	29
Классическая теория модернизации и эволюционная теория модернизации	30
Свидетельства значимости экзистенциальной безопасности	34
Рождение постматериализма в западных странах	36
Культурные изменения и трансформации всего общества	40
Познание и эмоции как источники изменения ценностей	42
Альтернативное объяснение: рациональный выбор	43
Быстрые и медленные культурные изменения	46
Основные гипотезы	48
ГЛАВА 3. Становление ПОСТМАТЕРИАЛИСТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ НА ЗАПАДЕ И В МИРЕ	50
ГЛАВА 4. Глобальные культурные закономерности	63
Экономическое развитие и изменение ценностей	68
Устойчивость традиционных культур	70
Установки, связанные с модернизацией, стабильны и сравнимы на межстрановом уровне ..	79

Макрошкала Самовыражение/Индивидуализм/	
Автономия	80
Две основные шкалы изменений ценностей	88
Выводы	93
ГЛАВА 5. Конец секуляризации?	94
Секуляризация движется со скоростью	
межпоколенческого замещения населения	109
Конец секуляризации?	111
ГЛАВА 6. БЫСТРЫЕ И МЕДЛЕННЫЕ	
КУЛЬТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ: ТРАЕКТОРИИ НОРМ,	
УПРАВЛЯЮЩИХ ГЕНДЕРНЫМ РАВЕНСТВОМ	
И СЕКСУАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИЕЙ	115
Краткий обзор главы	115
Теория и гипотезы	119
Культурная эволюция и сдвиг	
к нормам индивидуального выбора	120
Рост экзистенциальной безопасности	
и культурные изменения	122
Эволюционная теория модернизации	123
Гипотезы	125
Данные и методы	126
Эмпирический анализ и результаты	129
Выводы	144
ГЛАВА 7. ФЕМИНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА	
и СНИЖЕНИЕ ЖЕЛАНИЯ ВОЕВАТЬ ЗА СТРАНУ:	
ИНДИВИДУАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ Долгого мира	148
Введение: феминизация обществ	148
Теория	151
Методы, выборки, инструменты	155
Результаты	155
Лонгитюдные результаты	160
Выводы	162

ГЛАВА 8. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И ДЕМОКРАТИЯ	164
Экономическое развитие и демократия	166
Эффективная демократия	168
Роль ценностей самовыражения	171
Влияние ценностей самовыражения	176
Объясняя сдвиги к демократии и от демократии	178
Мобилизация социальная и когнитивная:	
изменчивость баланса политических навыков	186
Перераспределение и демократия	192
Выводы	195
 ГЛАВА 9. ФЕМИНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА	
и СНИЖЕНИЕ ЖЕЛАНИЯ ВОЕВАТЬ ЗА СТРАНУ:	
индивидуальная составляющая Долгого мира	198
Обзор	198
Развитие, свобода и счастье:	
глобальная перспектива	199
Может ли измениться уровень счастья?	200
Теоретические основания:	
человеческое развитие и счастье	201
Увеличивает ли растущая свобода выбора	
уровень счастья и удовлетворенности жизнью?	
Анализ данных	205
Результаты	207
Взаимосвязь экономического развития	
и счастья в одной точке времени	208
Экономическое развитие и счастье	
в двух типах стран	211
Рост счастья и удовлетворенности жизнью:	
результаты анализа временных рядов	214
Почему эти тренды остались незамеченными?	218
Субъективное благополучие	
и социальный коллапс: случай России	221
Роль системы верования: Религия	
или свободный выбор как источник счастья	229

Приносит ли свобода выбора счастье?	
Анализ причин изменений уровня	
субъективного благополучия	232
Выводы	236
 ГЛАВА 10. «Тихая революция» наоборот:	
возвышение Трампа	
и популистских авторитарных партий	240
Обзор	240
Введение	241
Культурный откат и возникновение ксенофобских	
популистских авторитарных партий	244
Почему ксенофобский авторитаризм	
сильнее сейчас, чем 30 лет назад?	249
Отличительные особенности отношения	
к иностранцам	257
Свой собственный могильщик: сдвиг	
от классовой политики к политике ценностей ...	259
Сокращение реальных доходов и рост неравенства ..	261
Кривая слона	266
Не смотри на кукловодов	269
Политическая мобилизация предопределяет	
рост и спад неравенства	270
 ГЛАВА 11. Наступление общества	
искусственного интеллекта	273
Необходимость новой политической коалиции	286
Выводы	291
 Приложение 1 Парадокс Истерлина	295
Приложение 2	298
Примечания	301
Библиография	326

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выдающийся американский ученый, социолог Рональд Инглхарт представил свою новую работу, посвященную разработанной им эволюционной теории модернизации, основные положения которой проверяются на уникальной базе данных.

С 1981 г. проект Всемирное исследование ценностей (World Value Survey), руководимый Р. Инглхартом, а также Европейское исследование ценностей (European Value Study) совместными усилиями проводят опросы в более чем 100 странах мира, в которых проживает 90% населения земного шара. Собираемые данные, хотя может быть не слишком сложные по содержанию, тем не менее позволяют получить подтверждение для положений эволюционной теории модернизации. Новая работа Инглхарта выходит на русском языке даже немного раньше английского издания. По моему убеждению, она представляет особый интерес для ученых, читателей нашей страны.

Суть дела в следующем. Социально-экономическое развитие в разных странах идет по-разному, с разным успехом. Глобализация, происходящая в мире после Второй мировой войны, приводит к весьма интересным результатам. С одной стороны, потоки товаров и капиталов распространяются из многих стран, уже не только западных. Но можно сказать уверенно, что исходные их потоки шли с Запада, а теперь имеют и иные источники — Япония, Южная Корея, Китай, Индия. При этом успехи, достигаемые разными странами, весьма различны. Основные идеи Инглхарта состоят в том, что, во-первых, в странах, где наблюдаются наиболее благоприятные результаты, под влиянием развития современной экономики и сопровождающих его факторов повышения безопасности для жизни, происходят очень важные изменения ценностей. Они ведут к более терпимым отношениям к чужим и непохожим на нас людям, открытости новым идеям и более эгалитарным социальным нормам. Другие страны, в том числе под влиянием глобализации, тоже меняются, проходят процессы модернизации. Причем в понимании Инглхарта модернизация носит не только технологический,

но и социально-психологический характер. Во-вторых, в этих странах процессы модернизации зачастую крайне противоречивы. Исходный относительно низкий уровень экономической и физической безопасности, обусловленный во многом застаревшими традициями, с трудом поддается изменениям. Традиции и противостояние модернизации со стороны заинтересованных элит порой мешают этим странам развиваться. Положительные последствия глобализации дополняются серьезными конфликтами между странами и определенными кругами, которые снижают положительные стороны и вызывают негативные явления. В частности, Инглхарт отмечает в таких странах авторитаризм в управлении, ужесточение следования традиционным культурным нормам, нарастание ксенофобии. В итоге, модернизация идет медленнее, низкий уровень развития сохраняется во многих местах.

Сам Инглхарт воздерживается от глубоких оценок в отношении России, но я вижу свою задачу в том, чтобы подчеркнуть эти моменты.

Главный предмет, который изучает Инглхарт, это ценности. Он выделяет шкалы: «выживание» и «самовыражение», а также «традиции (религии) и секулярность с рационализмом». В каждой шкале счет идет снизу, от ценностей, характерных для большей бедности и традиционности к ценностям, складывающимся в Новое время. Уже аграрная экономика, преобладавшая в эпоху древности и Средневековья, все больше уступает торговле и промышленности. Для более точного обозначения этого перехода автор говорит о материалистических и постматериалистических ценностях. Из этой пары первые характерны для модернизации посредством индустриализации, а вторые — через новые знания и технологии. Хочу отметить, что 1973 год — условно качественная граница, определяемая масштабным повышением цен на нефть. Стоит договориться, что преобладание материалистических ценностей на этой границе заканчивается, и оно переходит к постматериалистическим. Одновременно стоит отметить, что в этом выразилось и влияние марксистских идей, которые объясняли развитие экономики динамикой производительных сил, производственных отношений и т.п., доказывая, что материалистическое понимание истории всегда будет связано с экономикой.

Мнение Инглхарта иное: наступает момент, когда ценности экономического роста и материального богатства в глазах людей начинают замещаться ценностями свободы, равенства, справедливости, терпимости, интересами помощи другим людям и странам. Это, собственно, и говорит о возобладании постматериалистических ценностей. Во всяком случае в наиболее развитых странах. Я бы сказал, что упомянутые выше шкалы говорят примерно об одном — о развитии экономики и культуры, прежде всего в этих странах, что приводит и к изменению значений тех или иных ценностей. Не всё про материальное богатство, но и про развитие науки, других областей знаний и искусств, притом что в основе лежит все же развитие экономики.

Инглхарт отмечает, что до рыночных реформ в России довольно успешно развивалась культура и связанные с ней ценности, но потом начались рыночные реформы, ухудшилось положение трудящихся и вновь материальные интересы вышли на первый план. Я всё же хотел бы отметить, что это ни в коем случае не говорит о новом этапе отставания России. Это только цена перехода, а рыночная экономика, изначально, прежде всего на Западе, была исторической основой потеснения выживания самовыражением, материалистических ценностей постматериалистическими. Те же тенденции я бы отметил и в динамике показателей других шкал Ш. Шварца — автономии и принадлежности (к группе), Г. Хофстеде — индивидуализма и коллективизма. Но у Шварца целый круг ценностей, которые даже не выстраиваются в набор шкал. Я заметил только особое значение ценности гармонии в китайской цивилизации, против которой можно поставить автономию как противовес в цивилизации европейской.

Ценности Г. Хофстеде также различны для разных цивилизаций, но они могут быть рассмотрены как шкалы:

1. *дистанция власти* — для европейских стран характерна короткая дистанция, для восточных — длинная. На Востоке отношения к начальникам гораздо более отдаленные, начальники малодоступны.
2. *индивидуализм* — по мнению Хофстеде, в профессиональной сфере не проявляется. Это скорее круг, но

все же противопоставление коллективизму, более характерному для отдаленных этапов развития и скорее остальных обществ.

3. *маскулинность и феминность* — ценности, скорей всего, не связанные со временем развития культуры, хотя маскулинность особо ценна для этих постоянных военных противодействий, требовательных к физической силе, а сейчас гендерные различия для развития менее существенны.
4. *избегание неопределенности* — свойство (скорее не ценность как таковая) очень важное. Я бы сказал, что оно важно, скажем в иерархических системах, где так много зависит от вышестоящих лиц, но может быть весьма негативно в рыночных экономиках, где многое зависит от успеха в конкуренции.

Я более подробно остановился на Хофстеде, поскольку столкнулся с интересными исследованиями по его методике на российском материале. Я более подробно остановился на Хофстеде, поскольку столкнулся с интересными исследованиями по его методике на российском материале. *.** Посмотрим табл. 1.

Таблица 1. Показатели культурной специфики стран Запада и Востока (по Хофстеде)

Группы стран	Дистанция власти	Индивидуализм	Маскулинность	Избегание неопределенности
Запад	32	74	50	53
Восток	69	27	49	76
Россия	28	61	36	91

Источник. Латова Н. В. Производственная культура рабочих современной России... // Мир России. №1. 2017. С. 46.

* Готово ли российское общество к модернизации / под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. 2010.

** Латова Н. В. Производственная культура рабочих современной России... // Мир России. №1. 2017. С. 36—63.

Обращаю внимание: по дистанции власти Россия близка к Западу, то же по индивидуализму, хотя и меньше (61 против 74, а на Востоке — 27). Отсюда вывод о близости России по культуре к Западу. Маскулинность пропускаем, хотя можно было бы зацепиться по России за склонность к феминизму. А вот избегание неопределенности у русских самое большое — 91 против 76 на Востоке и 53 на Западе. О чем это говорит? Я думаю, что не о различиях в культуре и ценностях, но скорее о более сложных событиях истории в XX в.

Отсюда можно сделать вывод: из всех рассмотренных шкал для сопоставления ценностей наиболее выразительна шкала Инглхарта. Она — самая простая — выживаемость и самовыражение. Еще в дополнение шкала традиционности и секулярности — рациональности, которые дополняют друг друга в одном наиболее важном отношении — уровне развития прогресса. К этому добавляются выводы относительно условий и преимуществ усвоения демократии: ясно, что демократия становится возможна на упомянутых шкалах в области сочетания самовыражения и рациональности. Тогда и достигаются условия для сочетания свободы и справедливости, а власть делается подконтрольной обществу.

Свободу, справедливость (или равенство) и власть я рассматриваю как высшие ценности в человеческой культуре. Согласование их достигается только в условиях демократии, при которой обеспечиваются и выгодные значения самовыражения. Не важно, что предложения Инглхарта самые простые, но зато они позволяют с наибольшим богатством использовать результаты наблюдений по большинству стран. Глубоко убежден, что для российского читателя предлагаемая книга представит очень большой интерес. Я остановился даже не на всех главах, но только на наиболее важных на мой взгляд. Спасибо автору.

Е. Ясин

Благодарности

Эта книга основана на ряде исследований, проведенных совместно с Полом Абрамсоном, Уэйном Бейкером, Кристианом Вельцелом, Рональдом Чарльзом Инглхартom, Пиппой Норрис, Кристофером Петерсоном, Эдуардом Понариным, Жаком Рабье и Роберто Фоа. Я глубоко признателен коллегам и друзьям за их вклад в эту работу и с удовольствием пользуюсь случаем и выражаю им свою признательность на страницах этой книги. Они, в сущности, стали ее соавторами.

Я также выражаю благодарность тем людям, без которых это книга не была бы написана, поскольку они проводили Всемирное исследование ценностей (WVS) и Европейское исследование ценностей (EVS) в более чем ста странах мира с 1981 по 2014 г. Я благодарю ведущих исследователей WVS и EVS за то, что они создали и поделились этой богатой и комплексной базой данных; это: Энтони М. Адела, Сьюзан Адамс, К. К. Ахмад, Сальваторе Абрузесе, Абдель-Хамид Абдель-Латиф, Марчелла Абрашева, Мохаммен Аддахри, Алишер Алдашев, Дарвиш Абдулрахман Аль-Эмади, Фатхи Али, Абдулразак Али, Раса Алишаускене, Хельмут Анхайер, Хосе Аросена, Виль А. Арт, Су Янг Ау, Таджи Азадармаки, Лильяна Бачевич, Ольга Балакирева, Иосип Балобан, Дэвид Баркер, Мигель Басанез, Елена Башкирова, Абдалла Бедайда, Хорхе Бенитез, Жак Бийе, Алан Блэк, Эдуард Бомхофф, Аммар Букхедир, Рахма Буркийя, Фарес аль-Брайзат, Лори Брамүэл-Джонс, Майкл Брин, Зива Бродер, Тавилвади Бурикул, Карин Буш, Гарольд Кабальерос, Мануэль Виллаверде, Ричард Бакиа/Бакиа-Каруана, Клаудио Кальварусо, Павел Кампеану, Августин Канцани, Джузеппе Капраро, Марита Карбальо, Андрес Касас, Энрике Карлос де О. де Кастро, Пи-Чао Чен, Прадип Чхиббер, Марк Ф. Чингоно, Хей-юан Чиу, Винсент Чуа, Маргит Кливленд, Мирцеа Комса, Мункит Дагер, Эндрю П. Дэвидсон, Херман Де Дейн, Рууд де Мур, Пьер Делуз, Питер Дж.Д.Дерент, Абдель Нассер Дьяби, Карел Доббелере, Херман Дюльмер, Хавьер Эльзо, Йилмаз Эсмер,

Пол Устген, Тони Фазй, Надьематул Файзах, Таир Фарадов, Роберто Стефан Фоа, Майкл Фогарти, Георгий Фотев, Луис де Франка, Айкатерини Гари, Илир Гедеш, Джеймс Георгас, Ч. Геппаарт, Билай Гилани, Марк Гилл, Степан Гредель, Ренцо Губерт, Линда Лус Герреро, Питер Гунделах, Дэвид Салмонт Хаак, Кристиан Хэрпфер, Абдельвахаб Бен Хафайед, Жак Хагенарс, Люк Халман, Мустафа Хамарне, Трейси Хэммонд, Санг-Цзинь Хан, Элемер Ханкисс, Оулавюр Харальдссон, Стивен Хардинг, Мари Харрис, Пьер Хаусман, Бернадетт С. Хейес, Гордон Хильд, Камило Эррера, Феликс Хойнкс, Вирджиния Ходжкинсон, Надра Мухаммед Хозен, Хоан Рафел Мико Ибанез, Кендзи Иидзима, Фр. Джоэ Ингануес, Любовь Ишимова, Вольфганг Ягодзинский, Мерил Джеймс, Александра Ясинска-Каня, Фридрих Йонссон, Доминик Джой, Станисловас Юкневичюс, Салю Каликова, Татьяна Карабчук, Кьеран Кеннеди, Ян Керкхофс, Дж.Ф.Килти, Джоан Кингхорн, Ханс-Дитер Клингеманн, Ренате Кочер, Йоанна Конечна, Хенни Котце, Ханспетер Криеси, Миори Куримура, Зузана Куса, Марта Лагос, Бернар Латеган, Мишель Легран, Карлос Лемуан, Ноа Левин-Эпштейн, Хуан Линц, Ола Листхауг, Цзинь Юнь Лю, Лейла Лотти, Рууд Лейкс, Сюзанна Лундасен, Брина Малнар, Егине Манасян, Роберт Манчин, Махар Мангахас, Марио Маринов, Мира Мароди, Карлос Матеус, Роберт Мэттс, Иэн Макаллистер, Рафаэль Мендизабаль, Джон Миллер, Фелипе Миранда, Мансур Моаддель, Мустафа Мохаммед, Хосе Молина, Алехандро Морено, Гаспар К. Муниши, Наассон Муньяндамутса, Костас Милонас, Нил Невитт, Чун Хунг Нг, Симплисе Нгампу, Хуан Диез Николас, Хайме Медрано Николас, Элизабет Ноэль-Нойманн, Пиппа Норрис, Элоне Нвабузор, Стефан Олафссон, Франсиско Андрес Оризо, Магуэд Осман, Мераб Пачулия, Кристина Паэс, Алуа Панкхурст, Драгомир Пантич, Юхани Пеконен, Пол Перри, Э. Петерсен, Антоанела Петковска, Дору Петрути, Торлейф Петтерссон, Фам Минь Хак, Фам Тхань Нги, Тимоти Филлипс, Геворк Погосян, Эдуард Понарин, Люсьен Поп, Би Пуранен, Ладислав Рабушиц, Андрей Райчев, Элис Рамос, Ану Реало, Ян Рехак, Элен Риффо, Оле Риис, Анхель Ривера-Ортис, Нильс Ром,

Каталина Ромеро, Геггели Роста, Давид Ротман, Виктор Рудометоф, Джанкарио Ровати, Самир Абу Руман, Андрус Саар, Раджаб Саттаров, Рахмат Сеиг, Тан Эрн Сер, Сандип Шастри, Шен Мингминг, Муса Штейви, Рената Семенска, Мария Сильвестр Кабрера, Ричард Синнотт, Алан Смит, Жан Штотцель, Канчо Стойчев, Марин Стойчев, Джон Сударский, Эдвард Салливан, Марк Свенхедау, Тан Цзин-Пин, Фарук Танвир, Жан-Франсуа Черния, Карим Теюмола, Ноэль Тиммс, Лариса Титаренко, Миклош Томка, Альфредо Торрес, Нико Тос, Иштван Дьердь Тот, Джозеф Тройси, Ту Су-хао, Клаудиу Туфис, Хорхе Вала, Андрей Вардомацкий, Дэвид Воас, Богдан Войку, Малина Войку, Лилиан Войе, Ричард М. Уокер, Алан Уэбстер, Фридрих Вельш, Кристиан Вельцель, Мейдам Вестер, Крис Уилан, Роберт Вустер, Сейко Ямазаки, Бироль Йесилада, Эфраим Юхтман-Яар, Жозефина Зайтер, Каталин Замфир, Бригита Зепа, Игнасио Зуаснабар и Пауль Цулелер.

Данные WVS и EVS, использованные в этой книге, включают 358 опросов, проведенных на протяжении шести волн исследования ценностей с 1981 по 2014 г. в 105 странах мира, в которых живет более 90% всего населения Земли. В этой книге также используются данные Евробарометра — опроса, запущенного в 1970 г. Жаком-Рене Рабье. Опросы Евробарометра послужили моделью для WVS и EVS, а также для ряда других международных исследований и были источником ключевых вопросов, использованных в исследованиях ценностей. Ян Керкхофс и Рууд де Мур организовали Европейское исследование ценностей и пригласили меня провести аналогичные опросы в других частях мира, что привело к возникновению Всемирного исследования ценностей. Джейми Диез Медрано архивировал базы данных обоих исследований, и WVS, и EVS, так что они стали доступны сотням тысяч пользователей, которые анализируют и скачивают данные с веб-сайтов этих проектов.

Я благодарен Джону Миллеру, Уильяму Циммерману, Артуру Лупии, Кеннету Коллману и другим коллегам из Мичиганского университета за их комментарии и советы. Также я хочу поблагодарить Анну Коттер и Юонга Янга за их незаменимую помощь и с благодарностью признаю поддержку

исследованию, которую оказал Национальный научный фонд Соединенных Штатов и министры иностранных дел Швеции и Нидерландов, которые поддержали сбор данных в ряде стран в различные волны Всемирного исследования ценностей. Также я хочу высказать свою признательность российскому Министерству образования и науки за грант, благодаря которому была создана Лаборатория сравнительных социальных исследований в Высшей школе экономики в Москве и Санкт-Петербурге, а также проведено Всемирное исследование ценностей в России и еще восьми постсоветских странах в 2011 г. Исследование финансировалось в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации «5—100». Я также признателен Мичиганскому университету за профессиру имени Эми и Ала-на Левенштейн по демократии и правам человека, которая обеспечила меня бесценной исследовательской поддержкой на протяжении работы над этой книгой.

ГЛАВА 1. КРАТКИЙ ОБЗОР КНИГИ

Ценности и поведение человека во многом обусловлены тем, в какой степени его выживание гарантировано. На протяжении большей части истории существования человека выживание зависело от непредвиденных обстоятельств и определялось волей случая. Эта нестабильность определяла жизненные стратегии людей. Население росло до тех пор, пока всем хватало пищи, и большинство людей жили на грани голода. В таких условиях обеспечить выживание группы могли сильная внутригрупповая солидарность, неприятие незнакомцев, подчинение групповым нормам, повиновение сильным лидерам. В условиях нехватки ресурсов ксенофобия имеет практический смысл: если земли достаточно только для одного племени, но на нее претендует и другое племя, то выживание буквально диктует выбор — или «мы», или «они». В таких условиях успешная стратегия выживания для племени — это сомкнуть ряды вокруг сильного лидера, сформировать единый фронт против чужаков: такой синдром можно назвать «авторитарным рефлексом». И наоборот, высокий уровень экзистенциальной безопасности открывает возможности для большей автономии индивида и открытости к разнообразию, изменениям и новым идеям.

Представление о том, что почтительное отношение к власти идет рука об руку с ксенофобией и другими формами нетерпимости, впервые сформулировано в классическом исследовании «Авторитарная личность»¹, где авторитаризм рассматривался как черта характера, формирующаяся под влиянием суровых практик воспитания детей. С самого начала понятие авторитаризма является предметом дискуссий², и его обсуждению посвящена огромная литература. Его первоначальная теоретическая основа и инструментарий, исходно применявшийся для его измерения, в целом заменены новыми, но на протяжении семи десятилетий множество исследований подтвердили наличие тесной связи авторитаризма с ксенофобией, нетерпимостью и подчинением групповым

нормам. Это может отражать глубоко укорененную реакцию людей на отсутствие безопасности. В недавнем обзоре большого массива данных, основанных на опросах, экспериментах и статистике, авторы пришли к выводу о существовании синдрома авторитарного расизма, политической и моральной нетерпимости, причиной которых служит врожденная predisposition к нетерпимости на фоне изменения уровня угроз в социуме³. Мои собственные исследования показывают, что уровень авторитаризма в данной возрастной когорте определяется уровнем экзистенциальной безопасности, сопутствовавшим их взрослению.

После Второй мировой войны в экономически развитых странах произошло нечто беспрецедентное: значительная часть послевоенного поколения выросла, считая выживание само собой разумеющимся. Это явление стало отражением следующих факторов:

1. Беспрецедентный экономический рост послевоенной эпохи в Западной Европе, Северной Америке, Японии и Австралии.
2. Возникновение государства всеобщего благосостояния, которое гарантировало, что почти никто не умрет от голода.
3. Отсутствие войн между важнейшими державами: самый продолжительный мирный период в истории начался после Второй мировой войны.

Беспрецедентный уровень экономической и физической безопасности привел к глубоким межпоколенческим культурным изменениям, трансформировавшим ценности и мировоззрение людей; произошел сдвиг от ценностей материализма к ценностям постматериализма, который, в свою очередь, стал частью еще более глобального сдвига от ценностей выживания к ценностям самовыражения. Эти широкие культурные изменения связаны со сменой главных жизненных приоритетов: от экономической и физической безопасности и подчинения групповым нормам — к росту значимости индивидуальной свободы и возможности выбора жизненной стратегии. Ценности самовыражения

подчеркивают гендерное равенство, толерантность по отношению к аутгруппам и гомосексуалам, свободу выражения и участие индивида в принятии решений в экономической и политической сфере. Этот культурный сдвиг принес масштабные социальные и политические изменения, от политики охраны окружающей среды и антивоенных общественных движений до более высокого уровня гендерного равенства в правительстве, бизнесе и академической жизни, а также распространение демократии.

Значительные различия между культурами существовали задолго до того, как произошел сдвиг от ценностей выживания к ценностям самовыражения. Культурные различия можно объяснить, в частности, географическими различиями в уязвимости к болезням и голоду. Ученые, работающие в различных областях знания, описывали эти культурные различия в противопоставлении коллективизма и индивидуализма, ценностей выживания и самовыражения, автономии и встроенности; но все они связаны с общим диапазоном межкультурной вариации, который отражает различные уровни «экзистенциальной безопасности» — того, насколько гарантированным считается выживание. В течение послевоенных десятилетий растущая экзистенциальная безопасность позволила большинству стран мира продвинуться в сторону индивидуализма, автономии и самовыражения.

Страны, которые достигли высокого уровня по шкале ценностей самовыражения, с большей вероятностью, чем общества с преобладанием ценностей выживания, принимают законодательство, благоприятное для геев и лесбиянок. Они также чаще занимают высокие позиции по разработанному Организацией Объединенных Наций показателю расширения возможностей женщин (ПРВЖ), который учитывает, какую долю высоких позиций в политической, экономической и академической жизни общества занимают женщины. Данные опросов демонстрируют, что базовые нормы изменяются вот уже 50 лет, в то время как изменения на уровне всего общества в обоих случаях начались относительно недавно. Культурные изменения предшествовали институциональным изменениям и, видимо, способствовали им.

Высокий уровень экзистенциальной безопасности также благоприятствует секуляризации — систематической эрозии религиозных практик, ценностей и верований. За последние пятьдесят лет секуляризация распространилась среди населения практически всех развитых индустриальных стран. Тем не менее в мире в целом сегодня больше людей с традиционными религиозными взглядами, чем когда-либо прежде, поскольку секуляризация сильно и отрицательно сказывается на уровне рождаемости. Практически во всех наиболее секулярных странах рождаемость сегодня намного ниже уровня простого воспроизводства населения, в то время как в обществах с традиционными религиозными ориентациями рождаемость в два или три раза превосходит уровни воспроизводства. Массовые установки по отношению как к гендерному равенству, так и к гомосексуальности изменялись в два этапа. На первом этапе постепенно повышался уровень терпимости по отношению к геям и росла поддержка гендерного равенства, по мере того как старые поколения сменялись новыми. В конце концов общество достигло порога, после которого в странах с высоким доходом уже новые нормы стали рассматриваться как доминантные. Давление большинства сменило направление и поддержало те изменения, которым сопротивлялось ранее, что привело к намного более стремительным изменениям, нежели те, что были связаны со сменой поколений. К 2015 г. большинство судей Верховного Суда США поддерживали однополые браки: даже судьи старшего поколения хотели оказаться на «правильной» стороне истории. Эта «феминизация» культурных норм в развитых странах также обусловила сокращение уровня насилия и снижение желания воевать за свою страну. Более того, страны с высоким уровнем ценностей самовыражения намного чаще являются настоящими демократиями, чем страны с низкой поддержкой этих ценностей. Но ведет ли распространение ценностей самовыражения к демократии или это демократия является причиной возникновения ценностей самовыражения? Причинно-следственная связь в данном механизме направлена в основном от ценностей самовыражения к демократии. Демократические институты

не являются необходимым условием возникновения ценностей самовыражения. В годы, предшествующие глобальной волне демократизации, наступившей около 1990 г., ценности самовыражения распространялись путём межпоколенческих изменений не только в западных демократиях, но и во многих авторитарных обществах. Поэтому неудивительно, что, как только угроза советского военного вмешательства миновала, страны с высоким уровнем ценностей самовыражения быстро демократизировались.

Культурные изменения отражают перемены в стратегиях достижения счастья. В аграрных обществах с отсутствующим или слабым экономическим развитием и социальной мобильностью религия делает людей счастливее, снижая их ожидания от этой жизни и обещая, что они будут вознаграждены в жизни загробной. Но модернизация приносит экономическое развитие, демократизацию и рост социальной толерантности, которые способствуют счастью, поскольку дают людям возможность выбирать жизненные стратегии. Как следствие этого — хотя *внутри* большинства стран религиозные люди счастливее, чем нерелигиозные, — в модернизированных и секулярных странах люди в целом более счастливы, чем в менее модернизированных, но религиозных странах. Таким образом, хотя религия способствует счастью в условиях домодерных обществ, но как только становится возможным достижение высоких уровней экономического развития, современная стратегия достижения счастья становится более эффективным способом максимизации счастья, чем традиционная стратегия. Но *возможно ли* вообще повысить уровень человеческого счастья? До недавнего времени широко признавалось, что уровень счастья колеблется вокруг некоторых постоянных значений (возможно, обусловленных генетическими факторами), и таким образом, ни индивиды, ни общества не могут надолго увеличить свой уровень счастья. Данная книга демонстрирует, что это утверждение неверно. С 1981 по 2011 г. уровень счастья вырос в 52 обществах из 62, для которых были доступны временные ряды данных, а упал только в десяти из них; в течение этого же периода удовлетворенность жизнью выросла в 40 странах, а снизилась лишь

в 19 (три не показали значимых изменений). Два наиболее широко используемых индикатора счастья выросли в подавляющем большинстве стран. Почему? То, в какой степени общество допускает свободу выбора, имеет большое влияние на уровень счастья. С 1981 по 2007 г. экономическое развитие, демократизация и социальная толерантность выросли до уровня, при котором люди в большинстве стран имеют свободный выбор в экономической, политической и социальной сферах жизни, что повышает их уровень счастья. Переход от ценностей выживания к ценностям самовыражения, видимо, способствует повышению уровня счастья и удовлетворенности жизнью. В последние десятилетия глобализация перенаправляла огромные объемы капитала и технологий в другие части мира, принося с собой быстрый экономический рост, особенно в Восточной Азии, Юго-Восточной Азии и Индии. Половина населения мира быстро выбирается из нищеты. В долгосрочной перспективе это, вероятно, приведет к культурным и политическим изменениям, аналогичным тем, что уже произошли в странах с высоким доходом. Но в то же время глобализация и аутсорсинг приводят к конкуренции между рабочими из стран с высокими и низкими доходами, экспорту рабочих мест и подрыву возможностей рабочих из богатых стран отстаивать свои интересы. Автоматизация еще больше сокращает количество промышленных рабочих, доля которых среди рабочей силы в развитых странах стала совсем мала. Первоначально на рабочие места в промышленности приходилось большое количество высокооплачиваемых позиций в секторе услуг. Но общества с высокими доходами, такие как США, сейчас входят в новую фазу развития, которую можно назвать обществом искусственного интеллекта. Потенциально оно способно искоренить бедность, улучшить человеческое здоровье и повысить продолжительность жизни, но, если отдать его во власть силам рыночной экономики, оно склонно воссоздавать в обществе игру с нулевой суммой, где вся прибыль практически в полном объеме достается тем, кто находится на самой верхушке социальной структуры. В богатых обществах неравенство в доходах и имущественное неравенство резко возросли с 1970 г. В 1965 г. топ-менеджеры

крупных корпораций США получали в 20 раз больше, чем их средний работник. В 2012 г. они зарабатывали уже в 354 раза больше. Если политика правительства не компенсирует это неравенство, ситуация, когда «победитель получает всё», будет снижать экономический рост, демократию и культурную открытость, которые возникли в послевоенный период.

Искусственный интеллект позволяет компьютерным программам заменять не только промышленных рабочих, но и высокообразованных специалистов: юристов, врачей, профессоров, даже программистов. В обществах с высокими доходами, например в США, реальные доходы промышленных рабочих сократились по сравнению с 1970 г., а реальные доходы людей с дипломами бакалавра и выше не выросли или снижались с 1991 г.

В обществе искусственного интеллекта главный экономический конфликт происходит уже не между рабочим и средним классом, но между одним процентом и 99 процентами населения, как выразился однажды нобелевский лауреат по экономике Джозеф Стиглиц. Стабильные, хорошо оплачиваемые рабочие места исчезают, причем не только для рабочего класса, но и для высокообразованных специалистов.

Резюмируя вышесказанное, мы утверждаем, что высокий уровень экзистенциальной безопасности с большой вероятностью приносит более толерантный и открытый взгляд на мир; а снижение ощущения экзистенциальной безопасности, наоборот, часто вызывает «авторитарный рефлекс», приносящий поддержку сильным лидерам, мощную внутригрупповую солидарность, отвержение посторонних и строгое подчинение групповым нормам. Этот рефлекс сегодня несет растущую поддержку ксенофобским и популистским движениям во многих странах, от «Национального фронта» во Франции до голосования за выход Великобритании из Европейского союза и возвышения Дональда Трампа в США. Но — в отличие от ксенофобского авторитаризма времен Великой депрессии — этот подъем не является следствием объективной нехватки ресурсов. Все эти страны богаты ресурсами. Сегодня чувство незащищенности возникает из растущего неравенства, которое в конечном счете стало

политической проблемой. При соответствующей политической перестройке могут сформироваться правительства, которые восстановят высокий уровень экзистенциальной безопасности, создавший безопасные и толерантные общества послевоенного периода.

Расширяя горизонты

В этой книге представлен ряд гипотез, следующих из эволюционной теории модернизации и проверяемых на уникальной базе данных. С 1981 по 2014 г. проекты Всемирное исследование ценностей (WVS) и Европейское исследование ценностей (EVS) объединенными усилиями систематически проводили опросы в более чем ста странах мира, в которых проживает более 90% населения Земли. Все эти страны изображены на рис. 1.1. Собранные данные, а также анкеты и информация по методике сбора данных доступны на сайте Всемирного исследования ценностей <http://www.worldvalues-survey.org/>.

Некоторые межстрановые опросные исследования ограничиваются работой в государствах с авторитетными опрос-

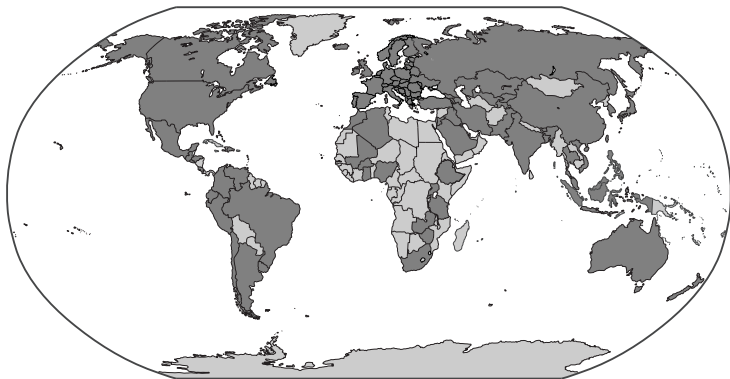

Рис. 1.1. Страны, в которых хотя бы раз было проведено исследование ценностей. В этих странах живет более 90% всего населения земного шара

ными исследовательскими организациями. Это делается для того, чтобы обеспечить высококачественную работу по сбору данных, однако это в значительной степени ограничивает их выборки странами с высокими доходами. С самого основания Всемирное исследование ценностей стремилось охватить весь диапазон обществ, в том числе страны с низким доходом. В этом случае возможны два противоположных результата: (а) предполагаемое увеличение ошибки измерения в странах с низким доходом и менее развитой инфраструктурой для проведения массовых опросов, что может привести к ослаблению корреляций между установками и их факторами; и (б) включение всех типов обществ повышает аналитическую мощь предсказания, в соответствии с чем эти корреляции усилятся. Какой эффект сильнее? Наши результаты вполне однозначны. Если предполагаемое низкое качество данных, полученных в странах с низкими доходами, перевесит аналитическую выгоду, получаемую от их включения в исследование, это будет означать, что их включение должно ослабить возможности исследования предсказывать соответствующие социальные явления. Эмпирический анализ показывает, что предсказательная способность на основе всех доступных для изучения обществ значительно сильнее, нежели та, что получена только на основе данных из стран с высокими доходами. Другими словами, выгоды, полученные путем анализа всего диапазона вариации, с лихвой компенсируют любые потери в качестве данных.

Графики, а не уравнения

Хотя я и провел много счастливых часов, размышляя над подробными статистическими таблицами, ясно, что это не всем по вкусу. Большинство читателей-неспециалистов в этой области попросту теряются, когда видят серию регрессионных уравнений. Я думаю, что идеи, обсуждаемые в этой книге, смогут увлечь широкую аудиторию, если будут представлены в содержательном, а не техническом виде. Поэтому книга не содержит ни одного регрессионного уравнения и не включает

сложных статистических таблиц (хотя она представляет *результаты* многих количественных исследований). Она включает также довольно много графиков, которые передают связи, основанные на большом количестве данных, и в простой, яркой форме показывают, например, что гендерное равенство повышается по мере того, как страны становятся богаче.

Эта книга предназначена для того, чтобы помочь читателю составить более четкое представление о том, как меняются человеческие ценности и цели, а также те удивительные направления, в которых ценностные изменения меняют мир.

ГЛАВА 2. ЭВОЛЮЦИОННАЯ ТЕОРИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ

Краткий обзор

Культура общества определяется тем, насколько живущие в нем люди растут с уверенностью или неуверенностью в том, что их выживание гарантировано. В этой книге представлена пересмотренная версия теории модернизации — эволюционная теория модернизации, — которая гласит, что низкий уровень экономической и физической безопасности является благодатной почвой для развития ксенофобии, сильной внутригрупповой солидарности, авторитаризма в политике и жесткого следования традиционным культурным нормам; и наоборот, что безопасные условия жизни ведут к более терпимому отношению к аутгруппам, открытости новым идеям и более эгалитарным социальным нормам. Далее в книге анализируются опросные данные из стран, в которых проживает более 90% населения мира, и демонстрируется, каким образом рост уровня экономической и физической безопасности в последние десятилетия изменял ценности и мотивации людей, тем самым трансформируя целые общества.

На протяжении большей части человеческой истории выживание не было гарантировано; население могло расти лишь до тех пор, пока все члены общества были обеспечены пищей, а затем его численность оставалась на одном уровне, сдерживаемая голодом, болезнями и насилием. В XX веке индустриализация, урбанизация и массовая грамотность позволили рабочему классу мобилизоваться в профсоюзы и леворадикальные политические партии, которые выбирали правительства, внедрявшие политику перераспределения и систему экономической поддержки населения. Эти тенденции подкреплялись исключительно быстрым экономическим ростом в десятилетия после Второй мировой войны,

а также отсутствием войн между крупнейшими державами. Население наиболее развитых индустриальных стран испытало беспрецедентно высокий уровень экзистенциальной безопасности: новое поколение в этих странах выросло, принимая выживание как должное. Все это привело к межпоколенческой смене ценностей: от приоритета экономической и физической безопасности — к большему акценту на свободе выбора, защите окружающей среды, гендерному равенству и толерантности к гомосексуалам. В свою очередь, это привело к масштабным изменениям на уровне всего общества, таким как волна демократизации в конце 1980-х — начале 1990-х годов или легализация однополых браков.

Классическая теория модернизации и эволюционная теория модернизации

У теории модернизации долгая история. Идея о том, что экономическое развитие приносит предсказуемые социальные и политические изменения, была неоднозначной еще с тех пор, как ее предложил Маркс. Она притягательна тем, что не только пытается объяснить, что происходило в прошлом, но и предсказать, что произойдет в будущем. До сих пор большинство попыток предсказать человеческое поведение провалилось, а основные предсказания ранней марксистской теории модернизации были ошибочны: промышленные рабочие не стали подавляющим большинством среди рабочей силы и не принесли всемирную пролетарскую революцию; запрет частной собственности не положил конец эксплуатации и конфликтам, а привел к возникновению нового правящего класса — коммунистической партийной элиты. Человеческое поведение настолько многогранно и находится под влиянием настолько широкого круга факторов, что любые притязания на точные и детерминистские предсказания обречены на провал.

Главная черта модернизации состоит в том, что она делает жизнь более безопасной, устраняя голод и увеличивая ожидаемую продолжительность жизни. При высоком уровне

развития общества это коренным образом изменяет мотивации людей. С этого времени жизненные стратегии больше не основываются на предпосылке, что выживание находится под угрозой; их место занимают такие стратегии, где выживание рассматривается как должное, и потому главным в этих стратегиях становится широкий круг других человеческих устремлений.

Ощущение небезопасности и того, что выживание не гарантировано, обостряет этноцентрическую солидарность против чужаков и усиливает внутреннюю сплоченность во круг авторитарных лидеров. Действительно, в условиях серьезной нехватки ресурсов выживание может потребовать сплотить ряды в общей битве за выживание. Поскольку человечество жило на грани голода в течение практически всего времени своего существования, у него выработался «авторитарный рефлекс»: отсутствие безопасности запускает рост поддержки сильных лидеров, интенсивную внутригрупповую солидарность, отвержение чужаков и жесткое подчинение групповым нормам. И наоборот, высокий уровень безопасности оставляет больше возможностей для индивидуальной свободы выбора и большей открытости по отношению к представителям других групп и к новым идеям.

Эволюция сформировала организмы таким образом, что выживание для них важнее всего. Организмы, которые не следовали этому закону, вымерли. К настоящему моменту вымерло большинство всех когда-либо существовавших видов. Следовательно, человеческая эволюция происходила таким образом, что люди стали уделять первоочередное внимание получению необходимых для выживания ресурсов, когда их не хватает. Без кислорода человек может прожить всего несколько минут, и, когда кислорода не хватает, все силы человека направлены на его получение. Без воды человек может прожить несколько дней, но, когда воды не хватает, люди отчаянно пытаются получить ее и могут убить за нее, если необходимо. Когда жизненно необходимые ресурсы воды и воздуха доступны, люди считают их само собой разумеющимися и отдают приоритет другим целям. Хотя без еды можно прожить несколько недель, нехватка продуктов делает

их добычу первоочередной задачей. На протяжении человеческой истории еды, как правило, не хватало, что отражает биологические тенденции роста численности популяции только до тех пор, пока еды достаточно для всех её членов.

Существует огромная разница между теми, кто рос, зная, что его выживание не гарантировано, и теми, кто принимал это как должное. На протяжении большей части человеческой истории выживание не было гарантировано, однако в последние десятилетия все более заметная доля населения мира выросла, предполагая, что никогда не будет голодать. Выживание — это настолько базовая цель, что оно влияет практически на все аспекты человеческой жизни. Поэтому в обществах, где выживание сегодня рассматривается как данность, в мотивациях к работе, в религии, политике, сексуальном поведении и воспитании детей происходят масштабные изменения.

Социальные изменения не являются детерминированными, но некоторые траектории более вероятны, чем другие. В долгосрочной перспективе, как только в стране начинается экономическое развитие, весьма вероятны определенные изменения. Например, индустриализация приносит урбанизацию, профессиональную специализацию и рост уровня формального образования в любом обществе, в котором индустриализация состоялась. В дальнейшем это приводит к увеличению благосостояния, улучшению качества питания и здравоохранения, что, в свою очередь, стимулирует рост ожидаемой продолжительности жизни. Еще позднее изменения в характере работы и более надежные средства контроля рождаемости позволяют женщинам устраиваться на работу вне дома. Вместе с сопутствующими культурными изменениями это ведет к росту гендерного равенства.

В некоторых странах эти перемены наталкиваются на сопротивление культурного наследия, поскольку социокультурные изменения подвержены «эффекту колеи» (*path dependent*). Так, в протестантских обществах женщины добились права голосовать на десятилетия раньше, чем в католических, а в Японии женщины выходили на рынок труда медленнее, чем в других развитых странах. Но все больше

данных свидетельствует о том, что модернизация делает эти и другие изменения все более вероятными. Даже Япония движется к гендерному равенству. Системы ценностей отражают баланс между движущими силами модернизации и сохраняющимся влиянием традиции. Хотя классики теории модернизации от Карла Маркса до Макса Вебера думали, что самоопределение на основе религиозной и этнической принадлежности однажды исчезнут, религия и национализм удерживают позиции. Культурное наследие удивительно устойчиво к изменениям.

Тем не менее исключительно быстрый экономический рост и государство всеобщего благосостояния, которые возникли в наиболее развитых индустриальных обществах после Второй мировой войны, в итоге привели к глобальным культурным сдвигам. Впервые в истории значительная часть населения этих стран выросла, чувствуя, что их выживание гарантировано. Поколения, родившиеся в таких условиях, стали отдавать предпочтение новым целям, таким, как качество окружающей среды и свобода самовыражения.

Это привело к процессу межпоколенческого изменения ценностей, которое уже трансформировало политику и культуру стран с высокими доходами и вскоре, вероятно, преобразят Китай, Индию и другие быстро развивающиеся общества, как только они достигнут стадии, когда значительная доля населения растет, принимая выживание как должное. Лучшее всего описанный аспект этого процесса — переход от материалистических ценностей (приоритет экономической и физической безопасности) к постматериалистическим (приоритет автономии и самовыражения). Но это лишь один из компонентов более широкого сдвига от ценностей выживания к ценностям самовыражения¹, который трансформирует господствующие нормы в области религии, гендерного равенства, толерантности к аутгруппам и усиливает поддержку защиты окружающей среды и демократических институтов.² Жесткие культурные нормы, характерные для аграрных обществ, уступают место индивидуальной автономии и свободе выбора — а те, в свою очередь, благоприятствуют успешному развитию общества знаний.

Свидетельства значимости экзистенциальной безопасности

Несмотря на разницу в формулировках, антропологи, психологи, политологи, социологи, эволюционные биологи и историки развили удивительно схожие теории культурных и институциональных изменений: все они подчеркивают, насколько безопасность от таких угроз выживания, как голод, война или болезни, формирует культурные нормы и социополитические институты общества.

Так, Инглхарт, Норрис, Вельцель, Абрамсон, Бейкер и другие авторы утверждают, что новое мировоззрение постепенно заменяет то, которое веками доминировало в западных обществах.³ Этот культурный сдвиг объясняется фундаментальной разницей между взрослением в условиях, опасных для жизни, и в условиях гарантированного выживания. К похожим выводам пришли исследователи в других дисциплинах. Например, Гельфанд и соавторы различают «жесткие» и «свободные» культуры, утверждая, что эти особенности сформированы экологическими и антропогенными угрозами, с которыми сталкивалось то или иное общество на протяжении своей истории.⁴ Эти угрозы увеличивают потребность в строгих нормах и наказании за девиантное поведение для поддержания порядка. Для «жестких» сообществ характерны авторитарные системы управления, которые подавляют инакомыслие, проводят политику устрашения, строго контролируют преступность и, как правило, более религиозны. Проверив эти гипотезы на данных опросов в 33 странах, Гельфанд и соавторы обнаружили, что в странах, которые сталкивались с серьезными экологическими и историческими угрозами, нормы более строгие относительно других стран, нетерпимость к девиантному поведению, наоборот, низкая.

Схожим образом Торнхилл, Финчер и соавторы представляют убедительные доказательства того, что уязвимость к инфекционным заболеваниям связана с коллективистскими установками, ксенофобией и неприятием гендерного равенства, притом все эти факторы затрудняют возникновение

демократии.⁵ Они ранжировали население 98 стран по шкале коллективизма — индивидуализма и обнаружили, что высокая угроза заболеваний положительно связана с коллективистскими установками, с учетом уровня богатства и урбанизации. Барбер приходит к схожему выводу, что религия помогает людям справляться с опасными ситуациями, а по мере экономического развития, приносящего экономическую безопасность и здоровье, религиозность снижается.⁶ Эти результаты перекликаются с гипотезами и результатами эволюционной теории модернизации.

Известный историк Ян Моррис посмотрел на проблему с другой точки зрения, однако пришел к аналогичным выводам. В результате исследования широкого круга исторических свидетельств он пришел к выводу, что «в каждой эпохе мыслят сообразно ее потребностям»: собирательские, фермерские и индустриальные общества развивают соответствующую систему ценностей посредством эволюционного процесса, схожего с тем, который описан в эволюционной теории модернизации.⁷

В данной главе все эти результаты обобщаются; особое внимание уделено причинно-следственным связям, лежащим в основе эволюционной модернизации. Основной тезис таков: экономическое развитие приносит экономическую и физическую безопасность и уменьшает уязвимость к болезням, что в совокупности благоприятствует большей открытости культуры и, в свою очередь, ведет к демократизации и более либеральному социальному законодательству.

Эта логика согласуется с классическими утверждениями Адорно и соавторов о том, что догматизм, строгость и нетерпимость начинают преобладать, когда подростки взрослеют, осознавая угрозы для собственного выживания, а также с тезисом Рокича, что экзистенциальные угрозы делают людей чрезмерно подозрительными, осторожными и нетолерантными, тогда как отсутствие угроз, напротив, формирует в людях уверенность, дружелюбие и толерантность.⁸ В соответствии с этими утверждениями ценности самовыражения (включающие толерантность к гомосексуальности) наиболее распространены в процветающих

обществах с безопасными условиями жизни.⁹ Социально-экономическое развитие напрямую влияет на чувство экзистенциальной безопасности индивидов, определяя, есть ли угрозы физическому выживанию или его можно считать гарантированным. Результатом этого, как мы увидим, является то, что ценности и убеждения в развитых обществах существенно отличаются от тех, что распространены в обществах развивающихся.

Рождение постматериализма в западных странах

Наиболее ранние и надежные эмпирические свидетельства изменений базовых ценностей в развитых обществах касаются сдвига от материалистических ценностей к постматериалистическим. Более 45 лет назад в книге «Тихая революция» я утверждал: «В политических культурах наиболее развитых индустриальных обществ, по-видимому, происходит трансформация. Похоже, эта трансформация изменяет базовые ценностные приоритеты конкретных поколений в результате изменения условий, в которых происходит их базовая социализация».¹⁰

Эта теория межпоколенческого изменения ценностей основана на двух ключевых гипотезах:¹¹

1. *Гипотеза дефицита.* Практически каждый ценит свободу и автономию, но люди отдают приоритет своим самым насущным потребностям. Материальные средства к существованию и физическая безопасность тесно связаны с выживанием, и, когда они не гарантированы, люди придают первостепенное значение этим материалистическим целям; но в условиях безопасности люди больше ценят постматериалистические цели, такие как чувство принадлежности, уважение и свободный выбор.
2. *Гипотеза социализации.* Связь между материальными условиями и ценностными приоритетами включает значительный временной зазор: базовые ценности

индивида отражают условия, которые существовали в годы его взросления, и эти ценности изменяются в основном путем смены поколений.

Гипотеза дефицита близка принципу убывающей предельной полезности. Она отражает различия между материальными потребностями физического выживания и безопасности и нематериальными потребностями, такими как самовыражение и эстетическое удовольствие.

В течение последних десятилетий развитые индустриальные общества поразительно отклонились от своей предшествующей истории: значительная часть их населения выросла, *не ощущая* голода и экономической незащищенности. Это привело к сдвигу, при котором чувство идентичности, уважение и свободный выбор стали более значимы. Гипотеза дефицита предполагает, что длительные периоды процветания способствуют распространению ценностей постматериализма, в то время как продолжительные экономические спады приводят к противоположным результатам.

Однако между социально-экономическим развитием и преобладанием постматериалистических ценностей нет прямого соответствия. Эти ценности отражают субъективное чувство безопасности индивида, которое частично определяется уровнем доходов общества, но также институтами социального обеспечения и свободой данного общества от насилия и болезней. Показатель ВВП на душу населения — один из наиболее доступных индикаторов условий, которые ведут к этому ценностному сдвигу, но с теоретической точки зрения решающим фактором является чувство экзистенциальной безопасности у индивида.

Более того, как утверждает гипотеза социализации, базовые ценностные приоритеты человека не меняются мгновенно. Одна из наиболее широко поддерживаемых в социальных науках идей гласит, что базовая структура личности кристаллизуется к концу взросления. Значительное количество результатов исследований указывает на то, что базовые ценности личности во многом сформированы к завершению взросления и после этого значительно уже не меняются.¹²

Если это так, то можно было бы ожидать значительных различий между ценностями молодых и пожилых в обществах, где уровень безопасности вырос. Межпоколенческий ценностный переход происходит, когда молодые поколения растут в условиях, отличных от тех, в которых сформировались предыдущие поколения.

Из этих двух гипотез можно сделать несколько предположений по поводу смены ценностей. Во-первых, хотя гипотеза дефицита подразумевает, что экономическое процветание благоприятствует распространению ценностей постматериализма, гипотеза социализации предполагает, что изменение ценностей в обществе происходит не мгновенно, а постепенно, в основном — за счет смены поколений. Между экономическими изменениями и их политическими эффектами есть существенный временной зазор.

Первые эмпирические свидетельства межпоколенческого сдвига были зафиксированы с 1970 г. в шести странах Западной Европы — в опросах, проведенных для проверки гипотезы о переходе от материалистических ценностей к постматериалистическим.¹³ Эти опросы обнаружили значительные различия между ценностными приоритетами молодых и старших поколений. Если, как мы утверждаем, эти возрастные различия отражали межпоколенческий сдвиг ценностей, а не просто тенденцию к тому, что люди с возрастом становятся более материалистичными, то мы ожидали бы увидеть постепенный переход от материалистических ценностей к постматериалистическим, по мере того как старые поколения взрослых людей сменяются молодыми. Если происходило именно это, то этот процесс имеет далеко идущие последствия, поскольку эти ценности тесно связаны с целым набором важнейших установок, от важности политического участия и свободы самовыражения до защиты окружающей среды, гендерного равенства и демократических политических институтов.

Тезис об изменении ценностей с самого начала вызывал противоречия. Критики спорили, что значительная ценностная разница по возрасту, обнаруженная в 1970 г., отражала скорее эффекты жизненного цикла, нежели межпоколенческие изменения: молодые люди по своей природе предпочи-

тают постматериалистические ценности, такие как политическое участие и свобода слова, но по мере взросления они начнут отдавать предпочтение тем же материалистическим ценностям, что и их родители. Так что ценности общества в целом не изменятся.¹⁴

Гипотеза изменения ценностей, напротив, утверждает, что молодые люди больше поддерживают постматериалистические ценности, чем старшие поколения, только в том случае, если они выросли в существенно более безопасных жизненных условиях. Соответственно мы не ожидали бы межпоколенческих изменений в застойных обществах, и если будущие поколения уже не растут в более безопасных условиях, чем старшие, то межпоколенческие ценностные изменения не будут обнаружены. Однако степень защищенности, актуальная для «формативных лет» взросления, имеет долгосрочное влияние на индивида. Соответственно, по мере того как послевоенные, более постматериалистические когорты заменяют более старшие, материалистические, мы станем свидетелями постепенного перехода от материалистических ценностей к постматериалистическим. Разница между опытом лет взросления послевоенной когорты и всех предыдущих когорт создала огромные различия в их ценностных приоритетах. Однако эти различия стали очевидны только тогда, когда первое послевоенное поколение приобрело политическую значимость, т.е. через два десятилетия после Второй мировой войны, что внесло свой вклад в эпоху студенческих протестов в конце 1960-х и в 1970-е годы. Широко распространенный слоган среди протестующих в то время гласил: «Не верьте никому старше тридцати!»

В данной главе анализируются культурные изменения с использованием результатов репрезентативных национальных опросов, проведенных с 1981 по 2014 г. в более чем 100 странах¹⁵, подкрепленных экономическими, демографическими и политическими данными. Эти масштабные эмпирические свидетельства показывают, что предсказанный нами межпоколенческий сдвиг от материализма к постматериализму действительно происходит. Однако мы также покажем, что это лишь единичный аспект широкого культурного

сдвига от ценностей выживания к ценностям самовыражения, при которых во главу угла ставятся гендерное равенство, защита окружающей среды, терпимость, межличностное доверие и свобода выбора. Этот сдвиг касается и воспитания детей, где главным качеством, которое нужно воспитать, являются уже не трудолюбие, а воображение и толерантность. Этот сдвиг также приводит к возникновению новых вопросов в политических дебатах и способствует распространению демократии.

Культурные изменения и трансформации всего общества

Изменения ценностей могут преобразовать целые общества. Культура — это совокупность норм и умений, способствующих выживанию в определенной среде и определяющих стратегию выживания конкретного общества. Подобно биологической эволюции, развитие культуры происходит через процессы, аналогичные случайным мутациям и естественному отбору; но поскольку культура — это комплекс приобретенных знаний, а не врожденная особенность, то и изменить направление она может куда быстрее, чем биологическая эволюция.

В последние десятилетия доминирующие ценности в высокоразвитых обществах сильно изменились, трансформируя культурные нормы в отношении гендерных ролей, аборт, разводов, контроля рождаемости и сексуальной ориентации, которые до этого сохранялись столетиями. Один из наиболее ярких примеров — возникновение новых гендерных ролей. На протяжении всей истории женщины, как правило, были подчинены мужчинам и были ограничены узким набором ролей: сперва — как послушные дочери, а потом — как добропорядочные жены и матери. В последние десятилетия это положение коренным образом изменилось. Все чаще любая работа, которая доступна для мужчин, открыта и для женщин. Два поколения назад женщины составляли меньшинство среди студентов вузов.

Книги издательств
«Социум», ИРИСЭН и «Мысль»
можно купить в интернет-магазине

sotsium.ru

РОНАЛЬД ИНГЛХАРТ
КУЛЬТУРНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ
КАК ИЗМЕНЯЮТСЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ МОТИВАЦИИ
И КАК ЭТО МЕНЯЕТ МИР

Подписано в печать 25.12.2017. Формат 84х108/32
Объем 18,22 усл. п. л.

Издательство «Мысль»
тел. (495) 330-51-98

Лоуренс ХАРРИСОН

ЕВРЕИ, КОНФУЦИАНЦЫ И ПРОТЕСТАНТЫ

Культурный капитал и конец мультикультурализма

(Мысль, 2016. 286 с.)

В книге исследуется влияние культуры на экономическое развитие. Изложение строится на основе введенного автором понятия «культурного капитала» и предложенной им и его коллегами типологии культур, позволяющей на основе 25 факторов определить, насколько высок уровень культурного капитала в той или иной культуре. Наличие или отсутствие культурного капитала определяет, создает та или иная культура благоприятные условия для экономического развития и социального прогресса или, наоборот, препятствует им. Автор подробно анализирует три крупные культуры с наибольшим уровнем культурного капитала — еврейскую, конфуцианскую и протестантскую, а также ряд сравнительно менее крупных и влиятельных этнорелигиозных групп, которые тем не менее вносят существенный вклад в человеческий прогресс. В то же время значительное внимание в книге уделяется анализу социальных и экономических проблем стран, принадлежащих другим культурным ареалам, таким как католические страны (особенно Латинская Америка) и исламский мир. Автор показывает, что и успех, и неудачи разных стран во многом определяются ценностями, верованиями и установками, обусловленными особенностями культуры страны и религии, исторически определившей фундамент этой культуры. На основе проведенного анализа автор формулирует ряд предложений, адресованных правительствам развитых и развивающихся стран, международным организациям, неправительственным организациям, общественным и религиозным объединениям, средствам массовой информации и бизнесу. Реализация этих предложений позволила бы начать в развивающихся странах процесс культурной трансформации, конечным итогом которого стало бы более быстрое движение этих стран к экономическому процветанию, демократии и социальному равенству.

Томас БЕТЕЛЛ

СОБСТВЕННОСТЬ И ПРОЦВЕТАНИЕ

(М.: ИРИСЭН, 2008. 408 с.)

Книга в популярной форме рассказывает об истории частной собственности со времен Древнего Рима и до наших дней. Эта тема рассматривается сразу с двух точек зрения: истории института и истории идей. Показана фундаментальная роль института частной собственности в общественном развитии. В то же время в книге собрана богатая коллекция исторических примеров того, как ослабление этого института вело к распаду и гибели сообществ или к увековечению низкого уровня жизни: судьба первых североамериканских колоний в Джеймстауне и Плимуте, история коммуны Роберта Оуэна, картофельный голод в Ирландии, социалистические эксперименты в СССР и Китае, проблемы арабского мира, земельные реформы в развивающихся странах и т.д. Автор анализирует экономическую логику стимулов и демонстрирует пагубность общего пользования ресурсами. Особое внимание уделено взаимосвязям между институтом собственности и состоянием окружающей среды, а также проблемам интеллектуальной собственности. В своем исследовании истории идеи частной собственности автор опирается на философские и юридические основы этого института. Если политический философ или экономист когда-либо написал что-то важное о связи прав собственности и процветания, то изложение его идей обязательно найдется в этой книге, где представлены взгляды Адама Смита, Иеремии Бентама, Карла Маркса и Фридриха Энгельса, Кеннета Эрроу, Милтона Фридмана и многих других мыслителей. Особое внимание уделено возрождению интереса к правам собственности в экономической теории в 1950—1960-е годы (А. Алчиан, Г. Демсец, Р. Коуз).

Дэниел СТЕДМЕН-ДЖОУНЗ

РОЖДЕНИЕ НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

От Хайека и Фридмена до Рейгана и Тэтчер

(Социум, 2017. 552 с.)

Переход от полного доминирования идей государственного вмешательства в первой половине XX в. к неолиберальному консенсусу конца XX в. — один из ключевых, но недостаточно исследованных сюжетов современной истории.

Д. Стедмен-Джоунз анализирует, каким образом в 1940—1980-е годы в Великобритании и США неолиберальные идеи — об индивидуальной свободе, свободных рынках и дерегулировании — трансформировались в электорально успешные политические программы.

Пытаясь ответить на вопрос, почему, столкнувшись с глубоким экономическим кризисом 1970-х годов, политики и чиновники обратились именно к неолиберальным идеям (причем первыми это сделали политики левого толка, находившиеся в тот момент у власти), автор рисует трехмерную картину, сочетающую интеллектуальную историю зарождения, развития и распространения неолиберальных идей в 1940—1970-е гг., экономическую историю от послевоенного бума до стагфляции 1970-х гг. и эволюцию партийной политики в США и Великобритании в этот период.

В книге содержится интересная история просачивания идей с университетских кафедр в общество и экономическую политику.

Главные герои книги — Общество Мон-Пелерен, первая чикагская школа и многочисленные аналитические центры, а также К. Поппер, Л. фон Мизес, Ф. Хайек, М. Фридмен, Дж. Стиглер, представители школы общественного выбора (Г. Таллок, Дж. Бьюкенен).

Энгус БЁРГИН
ВЕЛИКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ИДЕЙ
Возрождение свободных рынков
после Великой депрессии
(Мысль, 2017. 327 с.)

В книге описывается предыстория неолиберальной революции 1980-х годов — активность сторонников свободного рынка по обе стороны Атлантики в 1930-е годы, в период Великой депрессии. Автор исследует, как постепенно выкристаллизовывались идеи — и содержательно, и, что немаловажно, риторически, — обосновывающие преимущества свободного рынка. Это история людей и идей (а также различных организаций, обеспечивавших общение неолибералов Европы и Америки, публикацию их книг, выступления с лекциями и т.п., и благотворительных фондов, финансировавших эти организации и мероприятия).

В книге два главных героя, которым посвящены отдельные главы: Ф. Хайек и М. Фридмен. На волне популярности, которую Хайек обрел в США после выхода книги «Дорога к рабству» ему удалось создать организацию, объединяющую неолибералов США и Европы — «Общество Мон-Пелерен». Именно попав на первые встречи этой организации молодой экономист из Чикагского университета Милтон Фридмен, во-первых, несколько изменил свои взгляды, став убежденным сторонником свободного рынка, а во-вторых, загорелся идеей распространения этих идей среди широкой публики.

Книга стала лауреатом премии им. Мёрла Керти, присуждаемой Организацией американских историков, а также премии им. Джозефа Спенглера, присуждаемой Обществом истории экономической теории, вошла в «Список выдающихся научных изданий» журнала «Choice» и названа «Книгой выдающихся достоинств» Обществом интеллектуальной истории США.

Фридрих ХАЙЕК
КАПИТАЛИЗМ И ИСТОРИКИ

(Социум, 2012. 410 с.)

В книге подробно разбирается, как возник миф о том, что промышленная революция в Англии в конце XVIII — начале XIX в. привела к резкому ухудшению условий жизни рабочих. В статьях Т. С. Эштона и У. И. Хатта исследуются вопросы экономической истории этого периода — статистика уровня жизни городских фабричных рабочих (в т.ч. в сравнении с другими); в статьях Ф. Хайека, Л. Хэкера, Б. де Жувенеля, Т. С. Эштона изучается роль интеллектуалов в создании общего идеологического климата в обществе и в частности роль историков в формировании общего негативного отношения к капитализму. Русское издание дополнено статьей Хайека «Интеллектуалы и социализм», статьей Л. фон Мизеса «Капитализм» и его же очерком «Антикапиталистическая ментальность».